

глава 14

АХЕНСКИЕ СУДЬБЫ

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Абхазский дневник

Я отношусь к таким людям, которые считают, что главное в жизни не опозориться, не осрамиться, дабы не быть услышанным соседом. Даже если какая-то ссора в доме, чтоб она была не слышна, чтоб все было тихо и спокойно.

Честно говоря, мне не хочется вспоминать об этом. Это было 10 лет назад, после нашей войны, когда все ребята должны были пройти реабилитацию, но они не прошли ее. К таким людям относится и мой супруг.

Однажды он придя домой, вдруг, ни с того ни с сего, мне говорит: «Ты должна приготовиться. Одень детей, встаньте у стенки! Я должен вас убить – у меня приказ сверху». Он зарядил автомат и поставил нас к стенке. Я держу ребенка на руках. Вот что я отчетливо помню: в тот момент я его не боялась. А сейчас, когда я об этом рассказываю, у меня трясутся колени... Он нас поставил к стенке.... Мы стоим и ждем, что, вот, сейчас в нас будут стрелять. Он, действительно, приготовил все. И вдруг он говорит: «Нет, тут не все в порядке. Я сейчас спущусь к машине, мне не хватает еще одного патрона. Для того, чтобы тебя, сволочь, убить нужно очень много патронов».

Он спустился. И я, естественно, пока его не было, не стала ждать и убежала из дома. С двумя детьми я бежала, сама не знаю куда, дети плакали... Я не знаю, как я смогла удержаться.

жать их обоим на руках. Он нас догнал на машине. «Вы, – говорит, – должны сесть в машину. Все нормально, у меня все прошло, поехали домой».

Мы приехали, но это был обман: он нас вновь приставил к стенке. Я не знаю, какая сила нас спасла, но в этот момент зашел гость. Гость - святое для абхазов. Он просто зашел, наверное, ему что-то было нужно... Может, у меня был Ангел-хранитель?.. Закончилось это все тем, что я осталась жива... он спрятал свой автомат.

И по сей день, разговаривая с любым мужчиной, не важно, каким бы он ни был - хорошим, добрым, красивым, я все время жду, что он заорет, жду, когда он вытащит автомат и начнет убивать... то есть, во мне остался этот страх...

* * *

Абхазка, выросшая в абхазской семье, воспитанная в абхазском духе, не говорит ничего о том, что у нее происходит с супругом в интимной жизни и вообще... но не рассказать этот случай невозможно...

Это было ночью. Спят все. Слева старшая дочь, справа младшая дочь. Глубокая ночь. Мне снится сон, в котором меня кто-то взял за шею и душит. Я просыпаюсь, потому что мне не хватает воздуха. Но оказывается, это был не сон. Муж меня душил, и душил с такой силой, с таким упорством, что я, наверное, еще несколько секунд - и умерла бы во сне, если бы не проснулась. Естественно, я начала кричать: «Не нужно, что ты делаешь? Успокойся! Не надо, ведь мы муж и жена, и мы любим друг друга! Возьми себя в руки!» Я, как могла, пыталась его успокоить, но у меня это не получалось. Он все время говорил: «Нет, я должен тебя убить!»

«Почему ты должен меня убить?»

«Не знаю, но мне говорят, что я должен тебя убить!»

Я думала об одном: «Какой позор, какой позор умереть в одной рубашке!» Мне было так стыдно... Казалось бы, в этот момент надо сбегать и даже не успокаивать его, не думать о детях, думать только о себе. Но я думала о том, как же я умру в рубашке, в позоре! *(вздыхает)*...

В результате он успокоился, но эти затмения продолжались и продолжались. Жизнь с ним становилась невыносимой...

В шесть часов утра отбывала электричка... Я встала в пять утра с одной из дочек, потому, что с двумя было очень трудно это проделать. Я взяла младшенькую, одела ее, закутала, поцеловала свою старшую дочь, села в электричку и уехала в родной Сухум, где и живу по сей день *(плачет)*...

ТРУДНЫЙ ВЫБОР, ИЛИ ХИДЖАБ

Азербайджанский дневник

Эта история про мою любовь. У нас все было очень хорошо. Уже строили очень много красивых планов на будущее. Мы собирались пожениться.

В один прекрасный день любимый парень позвонил мне и сказал, что нам надо поговорить. Этот звонок взволновал и, в то же время, заинтересовал меня. С одной стороны, радость, с другой стороны, грусть овладела мной. Я подумала: «Что же он скажет мне?» *(слышен звон телефона, щебетанье птиц).*

Встретились, он предложил мне выйти за него замуж. Я очень обрадовалась. Моей радости не было предела. Однако радость длилась не долго. После предложения он поставил передо мной условие. Я была в недоумении, спросила: что это за условие?

Он сказал, что «мы поженемся, но ты не будешь ходить с непокрытой головой. То есть, будешь носить хиджаб».

Честно говоря, я была в шоке. Я не ожидала от него такого условия. Он мне сказал, что я должна сделать выбор. Мы поженемся, только если я приму это условие. «Выбирай, подумай, и скажи мне свой ответ», – сказал мой парень.

За те несколько дней, когда я обдумывала свое решение, мне было очень тяжело. Я чувствовала себя очень плохо. Я не отвечала на телефонные звонки, избегала его. Но он настойчиво звонил мне, его интересовал мой ответ.

Я долго думала. И однажды, когда он в очередной раз позвонил мне, я сказала, что мы можем встретиться и я скажу ему ответ.

Когда мы встретились, я сказала, что не согласна на такое условие. Все эти дни раздумий я внутренне долго боролась сама с собой. Я не могла перейти через свои мечты, желания, принципы. Верно, я не плохо отношусь к женщинам с покрытой головой. У каждого человека есть право выбора, и я уважаю их выбор. Но когда передо мной поставили такое условие, мне показалось, что меня хотят заточить в клетку, подрезать крылья. Для меня это было ужасно. Поэтому, несмотря на то, что я любила этого человека, несмотря ни на что, я не приняла это условие.

Через некоторое время я узнала, что он не так уж и горевал после нашей разлуки. И через короткий промежуток времени женился на другой, которая согласилась ходить с покрытой головой. Те же условия он поставил и перед ней, и она приняла их.

Я не желаю никому становиться перед таким выбором. Это очень тяжело.

Перевод с азербайджанского

САМОУБИЙСТВО ПОСЛЕ АБОРТА

Грузинский дневник, Маринэ, Ахалцихе

Я работала в гинекологическом отделении больницы. Всё было прекрасно, хорошая зарплата, прекрасные отношения с сотрудниками, я всем была довольна, но после одного случая я многое пересмотрела в своей жизни и ушла с работы.

К нам на прием пришла одна женщина. Ухоженная, хорошо одетая, видно было, что из благополучной семьи, городская, специально приехала в район, чтобы сделать аборт. Когда врач её осмотрел, оказалось, срок беременности уже очень большой и аборт делать нельзя. Она предложила нам огромные деньги и настаивала, чтобы мы избавили её от ребёнка.

Когда женщина не хочет сохранить ребёнка, мы не имеем права ей запретить.

Мы взяли с неё расписку, что больница не несёт ответственности за последствия аборта, она заняла очередь, я провела её в комнату подготовить к процедуре и занялась подготовкой необходимых инструментов.

Когда всё было готово, я заглянула в комнату и позвала её. Представьте себе картину: женщина сидит, крепко обняв свой живот руками, глаза опухли от слёз, по-моему, она меня и не заметила, так она была отключена. Я подошла ближе и тронула её за плечо: «Ваша очередь, пойдёмте.

Она сидит, обняв живот, и бормочет: «Прости меня, мой любимый, мой маленький».

«Может, я могу вам чем-нибудь помочь?» – спросила я.

«Можешь помочь мне спасти мою любовь?!...»

Она поднялась и пошла за мной. Мы сделали всё, что надо...

Прошло несколько дней, и мы совершенно случайно узнали, что та женщина покончила жизнь самоубийством.

Все очень нервничали, переживали, это событие взбудоражило всех. «Почему? Такая хорошая семья, такая красивая, здоровая женщина, почему решила на такое?»

Но я вспомнила, как она обнимала и ласкала свой живот, как она просила прощения у своего нерожденного ребёнка, и всё поняла.

С тех пор я не смогла работать, в каждой женщине, пришедшей на аборт, я видела «ту». Меня преследовало выражение её глаз, и в каждой женщине я видела ту же печаль, то же желание и неумение сохранить маленькую жизнь!

Перевод с грузинского

ПОХИЩЕННАЯ

Армянский дневник

Мне было четырнадцать лет, я поступила в колледж на факультет бытовой химии с надеждой в будущем поступить в медицинский институт и стать гинекологом. Это была моя мечта (*отдалённо слышны разговоры*).

Поступила, проучилась месяц. Шестого октября был мой день рождения. В этот день я заметила какого-то парня возле колледжа. Я не обратила на него внимания.

Прошло несколько дней. Он пришел со своей сестрой, и предложили идти домой вместе.

Они обманули меня, похитили и увели с собой. Неделю я оставалась одна, взаперти. Кто-то приходил, приносил кусок хлеба, наверное, чтобы я «поумнела», и уходил.

Они пошли к моей матери, сказали, что я люблю их сына, сбежала вместе с ним. Но уже поздно, чтобы меня забрали обратно — ведь прошла неделя. Беспokoясь обо мне, родители вынуждены были смириться с этой мыслью.

Ну, теперь, имея согласие моих родителей, они привели меня в свой дом: незнакомая среда, незнакомые люди (*вздыхает*). Хочу вернуться домой, не пускают. В общем, так я и осталась, угробила свою жизнь. Забеременела.

Отсюда и начались мои ужасные дни. Беременность, голод, побои. Это был дом, где весь день сквернословили, выражались последними словами и оскорбляли друг друга.

Отец и сын пили. Свекор бил мою свекровь, а муж — меня. Меня били за то, что я не взяла у тети 200 драмов, чтобы отец и сын купили сигареты. Из-за побоев я на седьмом месяце потеряла ребенка.

Через месяц я снова забеременела. С некоторыми сложностями у меня родился сын. Врач посмотрел и сказал, что моего сына нужно положить в больницу. Они этого не сделали. Врач выписал лекарство. Деньги я попросила у отца. Он дал. Но они забрали у меня эти деньги и купили водку. В эту ночь ребенок умер на моих руках. После этого меня избили за то, что папа не дал достаточно денег, чтобы хватило и на лекарство для ребенка, и на водку для них. Об мою голову разбивается стакан, а в больнице я говорю, что упала. Не хотела, чтобы кто-то знал про мое несчастье.

Это продолжалось пять лет... Сейчас у меня есть могилы двоих детей. Я хожу туда на их дни рождения и оставляю цветы.

Перевод с армянского

НЕМЕЦКАЯ КОШКА

Грузинский дневник, Инга, 32 года

Меня зовут Инга. Родилась в Тбилиси, когда мне было 5 лет, моей матери было очень тяжело с финансами, и она стала подрабатывать ночью. Она была медсестрой, не могла присмотреть за мной и сдала меня в интернат.

Интернат — это какое-то черное пятно в моей жизни. Я вспоминаю постоянное ощущение голода. Мы и на мусорку ходили, ели протухший лук, отходы от картошки, я постоянно была голодная. Говорят, в интернате хорошо, но ничего хорошего там не было.

Когда мне было пять лет, в интернате меня изнасиловали, это оставило очень большой тяжелый след в моей жизни. Помню, все помню. А изнасиловал меня сын директора этого интерната.

Интернат — это лесная школа в Патарацеми... (*задумчиво*) Хорошо помню, когда меня привезли. У меня были длинные золотые кучерявые волосы, глаза были большие, синие. Меня все называли «немецкой кошкой». И любили меня там очень все.

Моя мать работала в санэпидемстанции, там у нее знакомые были, и она просила их присмотреть за дочкой. Никто за мной так и не присмотрел...

Потом эти волосы обстригли. Помню вшей у меня выбирали – намажут голову свиным жиром и вычесывали, потом в коробочки складывали и продавали. У других же не было волос, а у меня были, я была у них как на вес золота. Они мне за это конфеты давали, печенье. Помню, над моей головой постоянно две женщины работали. Какие-то такие детские смутные воспоминания, но помню...

Потом помню я в больнице лежала, на руки капельницы ставили. Это очень повлияло на меня. Когда я подросла, подружки рассказывали, как влюблялись в кого-то. У меня тако-го не было, чтобы я в мальчика или в мужчину влюбилась. Уже семнадцать, двадцать – а я никого не любила. И сейчас мужчин я вообще терпеть не могу. А что хорошего в них? Волосатые все такие, блин, а если небритый лезет целоваться, то это кошмар для меня (*смеётся*).

Мне было девятнадцать лет, одна девушка была, которую я любила. Ее звали Валя Гологривка. У нас были такие, не сексуальные, а платонические и слегка эротические отношения. Но не до конца... Потому что тогда я ничего не знала, что такое лесбиянство. Я чувствовала к ней большую любовь, привязанность, она была как моя старшая сестра, но такое, чтобы секс, такого не было. С Валею - никогда.

Потом, конечно, с другими девочками у меня было.

ТАКОЕ ГОРЕ

Южноосетинский дневник

Замуж я вышла в восемнадцать лет. Любила дикой любовью. Сейчас, например, с высоты своего возраста, считаю, что это была ненормальная, патологическая любовь. Для меня ничего больше не существовало, кроме него. Вся моя жизнь сконцентрирована была на нем. И когда я поняла, что беременна, с первых дней беременности очень переживала, что должна была родить ребенка и что он будет делить свою любовь с ребенком. Все девять месяцев я страдала из-за этого.

Когда попала в больницу, врачи сказали обо мне, что это «первородка», до утра она не родит. И я осталась одна в огромной комнате. У меня отошли воды. Были дикие боли, но ни одного из врачей рядом со мной не было... Я выползала в коридор, кричала, просила помочь, но никого не было. Оказывается, до меня были тяжелые роды и все были очень уставшие.

Где-то к восьми утра пришла целая вереница врачей и светил. Завели меня в родильную комнату. Где-то в десять я начала рожать. До десяти вечера ничего не получилось. Вызвали профессора.

В тот вечер привели практикантов, и руководитель практики была счастлива, что они увидели патологию. Профессор послушала мой живот и сказала: «Уже сердцебиение не прослушивается, надо ее «кесарить». А другая врач сказала, что я «первородящая» и сейчас меня «кесарить» жалко: «Пусть попытается».

Решили, что я должна родить «вакуумом». Это - когда к головке плода подсоединяют что-то наподобие пластмассовой крышки от банки. От нее идут провода, качают воздух, и плод под атмосферным давлением выходит. Но к головке нужно было подобрать нужный номер. Наконец, они что-то выбрали, приделали как там надо было - все это сопровождалось дикими болями. Но так как они неправильно подобрали номер крышки, она соскочила.

У меня началась истерика, я стала дрыгать ногами, эти иглы все полетели, и тогда руководитель практики дала мне пощечину. Она сказала, что я истеричка. Один из практикантов оттолкнул ее, там началась ссора. Они вызвали главврача и сказали, что если сейчас мне не будет оказана профессиональная помощь, то они будут жаловаться.

И другая врач приделала эту проклятую нужную крышку к головке, и они начали качать воздух, под давлением плод выскочил. Я была в этом кресле полусидя. К крышке была присобачена какая-то металлическая штучка. В общем получилось так, что... (*пауза*)

Этого ребенка они держали на весу, головка ребенка и мое лицо были в пяти сантиметрах друг от друга. Головка была упавшая, мертвый был – руки-ножки, все свисало. В общем, речь шла уже о том, чтобы спасти меня.

Когда главврач вышла и сказала ей, что сейчас нужно спасти вашу дочь, у моей мамы был перстень с огромным изумрудом, она сняла его и подарила этому главврачу.

Я пришла в себя утром и забыла об этом ребенке. У меня пульсировала только одна мысль: «Как хорошо, что у меня никто не будет отнимать время Вадика».

И вот так прошло очень много лет. Это было в семидесятом году. В восемьдесят втором году у меня уже были Влада и Нина.

Я была беременна, уже на четвертом месяце. Ходила в консультацию, должна была родить. И как-то меня очень обидели жена деверя и свекровь. Стоит моя свекровь на кухне и режет лук, я тоже решила ее как-то заставить поволноваться, отомстить за обиду, решила напугать. Говорю ей: «Вы знаете, я решила сделать аборт», хотя на самом деле и не думала (*тяжело вздыхает*), а она мне отвечает: «Как хочешь, деточка»...

Меня эта рана так потрясла, что я побежала в роддом. Там девочки все знакомые, говорю Эльвире: «Буду делать аборт».

«С ума сошла? – отвечает она. – Большой срок...»

«Нет, буду делать аборт, это окончательно... Если ты не хочешь, я заплачу деньги кому-нибудь...»

«Ладно», – говорит она (*вздыхает*).

Я легла в кресло, она стала «чистить» меня. Вдруг перед моими глазами предстал этот мертвый малыш. И у меня было такое чувство, что он на меня смотрит с колоссальным презрением (*плачет*), я так глаза сильно-сильно закрыла, все равно он был передо мной, открываю – все равно его вижу.

Я чуть с ума не сошла И в это время врач говорит: «Ой...» Я говорю: «Что случилось?», а она: «Нет, нет, ничего»... (*плачет*).

Потом, когда она закончила, я сошла с кресла, говорю: «Эльвира, что? Ну скажи, что?»

И она мне показывает вот в такой зажим, в кулачке – маленький, оторванный шмоток мяса с таким маленьким петушком (*плачет*). Это был мальчик (*плачет*)! Я думала, что меня Вадик убьет, но я была в таком состоянии, что он меня еще и успокаивал.

С восемьдесят второго года прошло почти двадцать пять лет (*вздыхает*). И вот этот ребенок (*плачет, пауза*)... Безжизненно повисший этот маленький шмоточек мяса меня не пускает, я все время хочу исповедаться где-нибудь, но у меня ничего не получается (*дрожащим голосом*). Здесь я не могу, не знаю, доверия нет или что? (*плачет*) Мечтаю куда-нибудь пойти исповедаться. Может, мне легче станет?

Вот, этот кошмар меня преследует.

Меня Господь наказал за все это, за мое такое бездушие. Мне нет оправдания. Вот так я и живу. И конечно, потребность исповедаться заставила меня это рассказать (*тяжело вздыхает*). Вот такое горе.

ПРОПАВШИЙ МУЖ

Южноосетинский дневник

Замуж я вышла по очень большой и светлой любви, я была тогда студенткой пятого курса. Писала дипломную работу. В моей жизни появился очень светлый, притягивающий к себе человек, который очень мне нравился, и, в конце концов, мы решили жить вместе.

Мы очень ждали появления первого ребенка. Потом, когда он появился на свет, мы были окрылены, счастливы. Носились с ним.

Вскоре я забеременела на второго ребенка. Приехала в свой родной город. Как-то мне было легче, потому что первый ребенок был еще маленьким. Муж был в постоянных разъездах, он был, как это модно сейчас говорить, свободным предпринимателем. Ничто не предвещало тех несчастий, которые потом почему-то градом посыпались на мою голову.

Короче говоря, когда я была на восьмом месяце беременности, мой муж, отправившись

в очередную поездку, исчез. Он был предпринимателем, и поэтому мы решили, что его могли просто убить, отобрать машину. Все, в принципе, говорило об этом. Мы решили, что человек просто-напросто погиб. Два года я носила траур, не снимала обручального кольца, похудела килограмм на тридцать, даже больше, все время плакала, нервничала...

Когда родился второй ребенок, месяц я его никак не называла, все ждала, что приедет муж, и назову ребенка так, как хочет он. У меня была жуткая депрессия. Я слабо интересовалась даже тем, как растет мой младший ребенок. Просто механически меняла ему памперсы, гуляла с коляской, это все было на уровне каких-то биологических инстинктов — и все.

Мы собрали документы на Всероссийский розыск. Я взяла заявление от его родителей, их паспорта. И когда все документы были собраны, положила их в сумку. В тот день, я спустилась на рынок, чтобы купить кое-какую еду. Столкнулась с человеком, который жил с нами в том российском городе, где мы с мужем познакомились и поженились. Когда я рассказала ему эту историю и сказала, что завтра мы собираемся подавать в МВД документы на Всероссийский розыск, он сказал: «Расслабьтесь, потому что человек себе очень хорошо живет, он женат, у него уже ребенок. А то, что он не звонил ни тебе, ни своим родителям — не ваша в том вина...»

С тех пор прошло уже десять лет, младшему ребенку уже девятый год. Сейчас мы общаемся с мужем. Простить то, что он сделал со мной и со своими детьми, я не могу, но общение с ним допускаю. Общаемся исключительно по телефону.

Почему я допускаю общение с ним? Я всегда слышу голос очень несчастного человека. Буквально через месяц после того, как он оставил меня с детьми, он сбил насмерть человека. Ему пришлось выплачивать огромную сумму. Он четыре года - и день, и ночь — вкалывал на человека, которому должен был выплатить эти деньги. С его избранницей тоже не совсем все нормально. Спустя еще какое-то время буквально на их глазах повесился ее младший брат. То есть, там тоже трагедия в семье. Ему сейчас поставили диагноз — рак желудка.

В общем, жизнь у человека не сложилась. Когда я спрашиваю его о том, ради чего ему вообще стоило бросать двух детей, меня? И что после этого изменилось в его жизни? Он говорит, что всю жизнь, все эти десять лет он расплачивается за этот грех. И он уже с этим смирился. Он говорит: «То, что я так мучаюсь по жизни, это результат того, что я сделал». И видимо, понимая, что человек это осознает, мне очень легко с ним общаться...

Я надеюсь, что все у него будет нормально, но *(вздыхает)* сама я тоже задумалась о грехе, о добре и зле, о том, к каким последствиям могут привести наши поступки. И примером для меня служит то, что произошло между мной и моим мужем, и то, как он сейчас за это расплачивается.